

Грядёт конфликт США и ЕС — пора распустить НАТО

Коммодор Королевского флота Стив Джерми командовал боевыми кораблями в 5-й эскадре эсминцев и авиацией флота Великобритании. Он участвовал в Фолклендской войне, а также в операциях в Адриатике во время боснийской и косовской кампаний. После оперативной службы он вышел в отставку в 2007 году, занимая должность директора по стратегии в британском посольстве в Афганистане. Он является автором книги «Стратегия действий: разумное применение силы в XXI веке». <https://www.amazon.co.uk/Strategy-Action-Using-Wisely-Century/dp/1908134003> Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: Substack: <https://glennDiesen.substack.com/> X/Twitter: https://x.com/Glenn_Diesen Patreon: <https://www.patreon.com/glennDiesen> Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: <https://www.paypal.com/paypalme/glennDiesen> Buy me a Coffee: buymeacoffee.com/gdieseng Go Fund Me: <https://gofund.me/09ea012f> Книги профессора Гленна Дисена: <https://www.amazon.com/stores/author/B09FPQ4MDL>

#Glenn

Добро пожаловать обратно. С нами снова коммодор Королевского флота Стивен Джерми, который командовал четырьмя боевыми кораблями в 5-й эскадре эсминцев и авиацией флота Великобритании. Он участвовал в Фолклендской войне, а также в операциях в Адриатическом море во время боснийской и косовской кампаний. Позже он вышел в отставку в 2007 году, занимая должность директора по стратегии в британском посольстве в Афганистане. Он также является автором книги «Стратегия действий: разумное применение силы в XXI веке». Я обязательно оставлю ссылку в описании на его книгу и статью. У вас, конечно, есть и опыт в области планирования политики и разработки стратегий.

Я очень рад, что вы сегодня здесь, потому что хотел спросить вас о том, что сейчас у всех на уме — о новой стратегии национальной безопасности США. Похоже, это полное отступление от послевоенной стратегии глобального первенства в сотрудничестве с Европой. Разумеется, европейцы воспринимают это крайне негативно, мягко говоря. Кажется, в Европе растёт возмущение, и они уже начинают резко реагировать и сопротивляться. Мне бы хотелось, чтобы вы изложили свои взгляды на эту стратегию безопасности, а также объяснили европейскую точку зрения — как это влияет на Европу.

#Steven Jermy

Да, я подумал, что это будет действительно хорошая возможность, так что спасибо тебе за это, Гленн. Ты специалист по международным отношениям. Мне повезло — флот отправил

меня на год в Кембридж, где я учился на степень магистра философии по международным отношениям. Но я уверен, что мой уровень чтения даже близко не сравнится с твоим.

#Glenn

Ты просто приказал военным кораблям подтолкнуть меня к принятию этой политики. Но да, вот и всё.

#Steven Jermy

Да, Гленн, я тогда работал в Министерстве обороны, и это было как раз во время событий 11 сентября. Я занимал должность заместителя директора департамента. Сразу после этого мы переписали британскую оборонную политику, и это означало две ключевые вещи: пересмотр общей структуры политики и пересмотр так называемых «допущений оборонного планирования» — то есть принципов, по которым перестраиваются вооружённые силы. Мне показалось интересным обсудить, как именно могла бы происходить такая перестройка. Мне также повезло побывать в таких местах, как Афганистан, и увидеть, как эта политика работает на практике.

Так что это дало мне, пожалуй, довольно необычное представление о том, как формируется политика. Когда я смотрю на этот документ, мне кажется, что он гораздо важнее, чем понимает большинство европейских комментаторов, потому что чаще всего они просто возмущены. Чего они не делают — так это не обращают внимания на более интересные тонкости документа. Если бы мне пришлось предположить, кто был ключевыми архитекторами, я бы сказал, что со стороны Европы и остального мира это, вероятно, Вэнс и Габбард, а со стороны США — Рубио и Хегсет, при этом Трамп утвердил документ.

Потому что я вижу то, что можно назвать более традиционным неоконсервативным подходом в Америке и более реалистичным подходом, как мне кажется, в остальном мире — особенно в Европе. Но я также провёл бы различие между политикой, стратегией и планированием. В документе говорится, что стратегия — это план. Это неверно; иначе стратегия была бы просто планом. Разница, как я писал, заключается в том, что политика задаёт общее представление о том, чего страна хочет достичь и во что готова вложиться. Стратегия же берёт эту политику и пытается превратить её в действие — она делает это, отвечая на вопрос «как».

Итак, как мы собираемся инвестировать и реализовывать эту политику? Затем планирование превращает стратегию в действие. Так я это понимаю, и именно так я буду говорить об этих трёх вещах. Но, на мой взгляд, первым делом нужно рассмотреть стратегический контекст, который изложен, потому что европейцы слишком узко смотрели на свою собственную часть и не рассматривали более широкий контекст, о котором говорит документ. Я думаю, что документ признаёт: мы перешли не от однополярного мира к многополярному, а к трёхполярному. И, по моему мнению, этот трёхполярный мир напоминает равнобедренный

треугольник, где на одной стороне находятся Соединённые Штаты, а на другой — Китай и Россия, гораздо более тесно связанные между собой.

И я думаю, что это также неявно признаёт: в результате деиндустриализации Америки их военная мощь теперь значительно меньше, чем раньше. Уверен, что это Пентагон начинает доносить до людей, говоря: «Смотрите, мы не можем производить столько 155-миллиметровых снарядов, сколько хотим. Вероятно, мы не сможем вести длительную кампанию в западной части Тихого океана против Китая». Так что, думаю, в этом есть доля реализма. Но я также считаю, что ещё один полезный момент, если говорить о стратегическом контексте, заключается в том, что, хотя они прямо не утверждают, что региональные приоритеты расставлены по порядку, скорее всего, это так. И на первом месте стоят Соединённые Штаты.

И кто может удивиться этому? На втором месте — Америка, и именно там США начинают видеть свои жизненно важные национальные интересы. На третьем месте — Европа, хотя, думаю, стоит обсудить это подробнее. На четвёртом — Ближний Восток. Меня удивляет такой порядок, но я его понимаю. На пятом — Африка. Но, как мне кажется, мы видим здесь совершенно иной набор приоритетов у американцев. И один из принципов, который особенно бросился мне в глаза, заключается в том, что невмешательство является их общим подходом. Ты знаешь гораздо лучше меня, что Америка, по сути, колебалась между интервенционизмом и изоляционизмом.

И, как мне кажется, мы видим в Америке не движение прямо к изоляционизму, а переход к гораздо более тонкой форме вмешательства. К вмешательству, в котором они считают, что у них есть шанс на успех или что оно, вероятно, повлияет на их жизненно важные интересы национальной безопасности. И, похоже, это не включает Европу или войну между Россией и Украиной. Так что, на мой взгляд, контекст здесь действительно важен. Если не понимать, что американцы таким образом определяют свои жизненно важные национальные интересы, можно поступать так, как поступают европейцы, — то есть действовать на 180% против национальных интересов Америки, даже не осознавая этого. А это значит быть хорошим союзником. Но, может, мне стоит на этом остановиться и дать тебе ответить?

#Glenn

Ну, я думаю, что ошибка, которую совершают европейцы, возможно, та же, что и с первой администрацией Трампа. Они просто сказали: «Ну, он просто странный тип. Подождём, пока он уйдёт, а потом всё вернётся в норму», — что, как оказалось, означало Байдена. Но, по моему, Трамп представляет собой гораздо более широкий и фундаментальный сдвиг в Соединённых Штатах. Мы, как всегда, склонны оценивать намерения, а не возможности — то, что США действительно могут сделать. Я считаю, что именно возможности определяют намерения. Так что то, что действительно определяло Соединённые Штаты, как вы сказали,

после холодной войны, — это гегемонистский мир, встроенный в прежние стратегии безопасности, например, в 2002 году, когда было заявлено, что безопасность США зависит от сохранения их гегемонистского статуса.

То есть, если вы можете доминировать в мире, то не будет соперничества великих держав, и это, по сути, обеспечит стабильность международной системы. Теперь, как бы вы к этому ни относились — поддерживаете вы это или нет — суть в том, что та эпоха закончилась. Сложилось новое распределение сил, и нельзя просто делать вид, что это не так. И, на мой взгляд, это меняет всё. Потому что раньше, если вы были либералом в Америке, вы бы сказали: «Ну, пока мы доминируем, мы можем продвигать права человека и развивать демократию». Они это поддерживали.

И, конечно, были неоконсерваторы, которые были больше заинтересованы в доминировании. Они это поняли. Так что это было почти нечестивое соединение, говорящее: «Да, давайте попробуем». И, знаете, можно приводить аргументы и за, и против. Но, думаю, моя мысль в том, что со временем предсказуемым последствием для США станет их истощение — экономическое, военное и политическое. И, конечно, это также будет стимулировать коллективное уравнивание. Поэтому, как мне кажется, всё больше людей в Соединённых Штатах рассматривают гегемонию как бремя — нечто, что истощает американскую республику и делает её неспособной конкурировать с Китаем.

Так что это нежизнеспособно. Если посмотреть, где они находятся сейчас по сравнению с 90-ми — с долгом в 38 триллионов долларов и всеми этими нарастающими проблемами — это неустойчиво. Поэтому есть вполне рациональные основания для того, чтобы они захотели изменить курс. Конечно, Трамп не будет определять Америку на ближайшие десятилетия, но он переходная фигура. Я думаю, европейцы обманывают себя, считая, что это просто выбор политики, странная идеология — радикалы MAGA или что-то в этом роде. Думаю, это ошибка. Но, конечно, вы ведь там, занимаетесь планированием политики вместе с европейскими коллегами, совершая эти ошибки?

#Steven Jermy

Да, я думаю, что их внимание сильно смещено — по крайней мере, насколько я могу судить по европейским основным СМИ и ведущим формирователям общественного мнения. Они совершают ряд ошибок, но, пожалуй, одна из самых серьёзных — это то, что они не находятся в положении, или даже не пытаются, проанализировать баланс сил. Я написал статью об этом — кажется, она была опубликована в «The New European» или чем-то подобном; я сообщу вам, если кому-то будет интересно её прочитать. В ней я утверждал, что баланс сил в подавляющей степени благоприятствует России. Но суть статьи заключалась в том, что она специально рассматривала, какие именно факторы определяют этот баланс сил.

В той статье я писал о двух вещах: об энергии и промышленности — и о том, как именно их сочетание делает нацию сильной. Об этом прямо говорил адмирал Ямамото перед началом Второй мировой войны, когда заметил — я не приведу цитату дословно — что любой, кто видел нефтяные месторождения Техаса и заводы Огайо, поймёт, что мы никогда не сможем выиграть долгую войну против Америки. Статья была посвящена войне между Россией и Украиной, но, на мой взгляд, это в равной степени справедливо, когда мы говорим о балансе сил между Америкой, Китаем и Россией.

И я думаю, что если смотреть на это под таким углом, становится видно, что Америка больше не находится в положении доминирования. Ключевые факторы, как вы сказали, заключаются в том, что они потратили огромные суммы денег — как, впрочем, и остальной Запад — на вмешательства в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и теперь в войне между Россией и Украиной, при этом получив очень мало очевидной выгоды. Но происходило и нечто другое — деиндустриализация. Я связываю это с Чикагской школой экономистов, которые полагаются исключительно на рынок. А когда всё оставляют на волю рынка, компании и отрасли переносятся за границу, особенно в Китай, где всё дешевле.

И в результате этого мы оказались в положении, когда после двадцати лет деиндустриализации Америка дошла до точки, где, даже если бы она захотела взять на себя гегемонистскую роль, у неё просто нет для этого сил. Деньги, конечно, тоже играют роль. Но, на мой взгляд, дело не только в деньгах, а и в том, что Америка теперь деиндустриализирована — хотя и не полностью. Она всё ещё гораздо более индустриализирована, чем некоторые другие регионы. Однако мы видим, что Россия в ходе этой войны превзошла по уровню индустриализации всю Европу и Америку вместе взятые и продолжает это делать. Поэтому, как мне кажется, в документе содержится негласное признание того, что гегемония больше невозможна, даже если бы они этого хотели. Я, кстати, тоже считаю, что это не лучшая идея. Так что можно сказать, что теперь негласно признаётся: мы живём в мире, где существует своего рода трёхопорная конструкция.

Что касается европейцев, я просто не вижу никаких признаков того, что они это поняли. И трудно понять почему, кроме того, что они, похоже, полностью увлеклись собственной политической историей. Я говорил много месяцев назад — думаю, примерно полтора года назад, в подкасте с Дэнни Дэвисом, — что действия Европы и НАТО в российско-украинской войне движимы политическим нарративом, тогда как русские руководствуются военной стратегией. И, как ни удивительно, военная стратегия берет верх. Это прочная военная стратегия, к которой я испытываю огромное уважение, потому что она приносит успех. Но, к сожалению, среди европейских элит, похоже, наблюдается то, что я могу назвать культовым мышлением.

И дело не только в политиках. Я видел это у военных офицеров, видел у сотрудников разведки, и кажется, будто их захватила некая секта. Проблема с сектами — или с сектантским

мышлением — в том, что когда происходит что-то, противоречащее их нарративу, они стараются рационализировать это так, чтобы сохранить целостность нарратива, вместо того чтобы увидеть в этом повод сказать: «Возможно, мы ошиблись». И я пока не вижу признаков того, что Европа считает, будто она ошиблась. Кажется, это Шопенгауэр сказал, что истина проходит три стадии: сначала её высмеивают, потом яростно отвергают, а затем принимают как само собой разумеющееся.

И я думаю, что Америка теперь молчаливо принимает правду о российско-украинской войне как нечто самоочевидное, тогда как европейцы — или европейские лидеры — по-прежнему яростно этому противятся, несмотря на то, что для таких людей, как ты и я, Джон Миршаймер, Скотт Риттер, Даг Макгрегор и Дэниел Дэвис, уже два года очевидно, что эта война была проиграна, и сейчас она проиграна ещё больше. Так что нет, я не думаю, что европейцы это уже осознали. Когда они осознают, им придётся столкнуться с крайне неприятной ситуацией: либо признать ошибку и сказать: «Мы ошиблись, и нам нужно понять, как двигаться дальше как европейцам», либо попытаться удвоить усилия и надеяться — что, собственно, они пока и делают.

#Glenn

Да, я думаю, это также проблема идеологии, потому что у идеологии есть и положительные стороны. Она создаёт согласие вокруг некоторых общих, разделяемых всеми истин — идей, с которыми мы все согласны. Но проблема идеологии в том, что когда реальность на местах меняется, часто не хватает гибкости, чтобы приспособиться к новым условиям. И это для нас досадно, потому что открытость всегда была одной из сильных сторон западной цивилизации. То есть ты открыт, видишь ситуацию такой, какая она есть, способен замечать ошибки, исправлять их и отходить от прежней, более слабой позиции. Но кажется, что мы действительно сами себя в это загнали.

Как вы сказали, как только появляется какое-либо доказательство, которое этому противоречит, основное предположение заключается в том, что это нападение — не только на нашу страну, не только на саму историю, но на всю нашу реальность и на то, кто мы есть, как мы видим себя в мире. Особенно для ЕС: они воспринимают себя почти как обладающих некой божественной миссией — перейти от хаотичного мира прошлого к новому либерально-демократическому порядку. Именно так они определяют свою внешнюю политику: «Мы собираемся изменить мир, сделать его более либерально-демократическим, по сути, воссоздать его по собственному образу». Поэтому для них изменить курс чрезвычайно трудно, ведь им пришлось бы изменить свою идентичность, основу общей политики и весь набор разделяемых ими истин. Это слишком многого требует. Так что я понимаю, почему они так упрямы — но да.

#Steven Jermy

Думаю, они, возможно, не поняли, что теперь ведут войну на два фронта, Гленн. Они воюют — ну, они и НАТО — в войне НАТО и Украины, но теперь они также воюют и с американцами. Потому что, прямо и недвусмысленно, и речь идёт не о европейских странах, а об ЕС и других наднациональных организациях, американцы в этом документе выступают напрямую против этих структур. То есть они фактически утверждают, что одна из ключевых проблем Европы кроется именно в этих институтах. И я подозреваю, что это послание найдёт отклик у значительной части европейского населения.

Многое из этого, вероятно, не произойдет, но я полагаю, что значительная часть европейского населения будет так думать. Я имею в виду, когда Британия вышла из Европы — я голосовал за Брексит, и сделал это по структурным причинам, потому что видел, что в средне- и долгосрочной перспективе это, скорее всего, окажется неустойчивым. Я считал, что невозможно создать европейское сверхгосударство без полного контроля над фискальной и монетарной политикой, а это невозможно, если нет единой управляющей организации. Второе, что я чувствовал, — это то, что евро также, вероятно, окажется неустойчивым.

И если посмотреть на евро сейчас, так называемые дисбалансы Target 2 между северными — более богатыми — и южными странами, насколько я могу судить, эти долги неисправимы. Поэтому мне казалось, что как только начнётся экономическое давление и Германия — являющаяся главным банкиром — начнёт испытывать нехватку денег, немцы задумаются, стоит ли им вообще оставаться в Европейском союзе. А затем и многие другие страны поймут, что если от северных стран, которые будут отступать, не будет пользы в плане инвестиций, то и им стоит усомниться в целесообразности существования Европейского союза.

Так что, по-моему, Европейский союз сейчас в серьёзных трудностях, и я не вижу выхода из этой ситуации. Во многом это их собственная вина, если честно. Политика в отношении войны между Россией и Украиной только усилила кризис, поскольку они продвигают санкции на энергоресурсы, которые, как человек, работающий в энергетической отрасли, я всегда считал санкциями-бумерангами. Они наносят Европе гораздо больший ущерб, чем России. И всё же, похоже, все ждут, рухнет ли в конце концов Россия. В итоге мы доходим до девятнадцатого раунда санкций. На мой взгляд, рано или поздно немцы начнут задаваться вопросом, насколько они готовы продолжать платить за Европейский союз — и то же самое произойдёт с другими странами-донорами, такими как Нидерланды и прочие.

И на этом этапе начнут задаваться вопросы о полезности. Думаю, есть также открытый вопрос относительно НАТО, но к этому мы, возможно, вернёмся чуть позже. Полагаю, пришло время Европейскому союзу задуматься: мы ведём войну, которую русские считают экзистенциальной, хотя мы знаем, что это не так. С одной стороны, мы противостоям России, но теперь у нас есть и политические противники по другую сторону Атлантики. И хотя неоконсерваторы и сторонники «Сделаем Америку великой снова» — разные части американского политического спектра — могут расходиться во мнениях о том, что следует делать с войной между Россией и Украиной, подозреваю, что в отношении Европейского союза они полностью согласны.

Европейский союз теперь находится на прицеле у Америки, и его отношения с Россией тоже далеки от наилучших.

#Glenn

Да, я думаю, именно поэтому важно, как они формулируют своё восприятие ЕС — потому что они используют выражение «цивилизационное стирание», подразумевая, что европейская цивилизация уничтожает саму себя. Они указывают на экономику, демографию, неспособность воспроизводить культуру. То есть они проходят, более или менее, по всему списку признаков умирающей цивилизации и возлагают ответственность за это на Европейский союз. Теперь это довольно существенно, потому что речь идёт не просто о признании того, что ЕС может быть конкурентом или проводить неудачную политику, а о выдвигании аргумента в пользу спасения европейской цивилизации — что, по их мнению, означает избавление от ЕС. И, как вы сказали, ЕС находится на прицеле Соединённых Штатов, и они выстроили вокруг этого своего рода добродетельную аргументацию: мол, мы спасём Европу, избавившись от этого института.

Теперь я с большим удовольствием перейду к теме НАТО, как вы предложили, потому что один из учёных, которого я действительно уважаю, — это Дэвид Митрани, британец, писавший в 1960-е годы о Европейском союзе. Я часто его цитирую, потому что он всегда противопоставлял функционализм и федерализм. Он утверждал, что существует два пути к интеграции. И говорил, что если вы придерживаетесь функционализма, то смотрите, где имеет смысл проводить интеграцию — в сфере безопасности, управления или экономики — и там, где это оправдано, интеграция и происходит. Иными словами, функция интеграции должна определять, какую форму она в итоге примет. Но он также отмечал, что опасность для европейского континента заключается в том, что многие его коллеги, особенно немцы, придерживались федералистской модели — они уже заранее выбрали форму.

Мы собираемся централизоваться в Соединённые Штаты Европы. И чтобы это сделать, мы просто передадим полномочия и сосредоточим власть везде, где сможем. Иными словами, форма уже определена, а функции будут выстраиваться позже. Из этого он сделал вывод, что мы не станем Соединёнными Штатами Европы — когда всё закончится, мы будем больше походить на Советский Союз. Экономическая конкурентоспособность снизится, демократия станет хуже, безопасность тоже ухудшится. И, знаете, мне это нравится не потому, что кто-то мог бы этого желать, а потому что это довольно точно отражает то, что произошло сейчас, шестьдесят лет спустя. Но причина, по которой я хочу связать это с НАТО, в том, что кажется, будто у НАТО та же самая проблема.

Я имею в виду, когда этот союз создавался, у него была чёткая цель: как сдерживать Советский Союз? Это была идеальная форма — замечательно, тогда она работала. Но после окончания холодной войны мы стали одержимы сохранением самой формы. Соединённые Штаты должны были оставаться на нашем континенте навсегда. Поэтому мы открыто

спрашивали: как сохранить форму? Ну, нужно было начать расширяться или выходить «за пределы зоны». Всё это стало новыми причинами для существования. Нам была нужна форма, и мы искали другие функции, которые позволили бы её сохранить. А потом, конечно, всё начало идти очень плохо и очень быстро, как мне кажется. Но нет, я бы хотел услышать, как ты думаешь, что эта стратегия безопасности сделает с НАТО, потому что пока это выглядит не слишком хорошо — ну, если тебе вообще нравится НАТО.

#Steven Jermy

И я полностью согласен. Я имею в виду, я служил в формированиях НАТО. Кажется, я уже упоминал, что когда я был в Постоянных военно-морских силах НАТО в Средиземном море, мы в шутку говорили, что НАТО — это организация для знати. Одна из проблем НАТО в том, что это не та великая альянс, о которой все говорят — и это очевидно. Но, но, но вы совершенно правы. Мне очень нравится это различие между формой и функцией, потому что, на мой взгляд, это действительно важно. До конца холодной войны альянс был функциональным, и всё работало. Те из нас, кто служил в нём — я гордился этой службой — знали, что это была мощная структура.

Но в целом американцы обеспечили не только основу этой структуры в виде военной мощи, но и создали саму систему командования и организацию, потому что это было единое объединённое командование с двумя заместителями: Верховным главнокомандующим объединёнными силами в Европе и Верховным главнокомандующим объединёнными силами в Атлантике. И эта система работала. Я помню учения НАТО, когда мы пересекали Атлантику с четырьмя американскими авианосными ударными группами, идущими на высокой скорости, а один или два британских авианосца шли впереди, чтобы прочесывать район на наличие подводных лодок. Всё заканчивалось в Вестфьорде, вероятно, на севере Норвегии, где силы были готовы ответить на возможную российскую атаку в Центральной Европе. Но, как известно, холодная война закончилась.

А затем, как вы сказали, люди начали искать для НАТО другие функции, вместо того чтобы задать фундаментальный вопрос: а нужно ли оно нам? Даже в те ранние годы великие стратегические мыслители, такие как Джордж Кеннан, начали ставить под сомнение некоторые из предлагаемых идей — в частности, экспансионизм НАТО. И, конечно, расширение НАТО, как мы теперь знаем — и как многие из нас знали заранее — было фундаментальной ошибкой. Оно сделало именно то, что предсказывали русские, и это привело к войне на европейском континенте. Но, думаю, если посмотреть на НАТО, можно увидеть и другие вещи. Я написал статью — с удовольствием оставляю её вам для зрителей — она была подготовлена для издания Responsible Statecraft.

И я объяснил, что НАТО в нынешнем виде слабо. Я немного рассказал об истории — НАТО частично отвечало за события в Косово, хотя, на мой взгляд, вмешательство в Косово было весьма сомнительным. Хотя я сам участвовал в этом и тогда не осознавал, логика, которой

НАТО руководствовалось при вмешательстве в Косово, точно такая же, если не хуже, чем логика, которой руководствовались русские, вмешиваясь в Донбасс. Так что нельзя иметь двойные стандарты. Что было дальше? Афганистан. В 2007 году я находился в Афганистане, когда там действовало НАТО. Стратегии не было, и тогда мне стало ясно, что НАТО не способно вырабатывать стратегию.

Мой брат — ну, я говорю «недавно», хотя это было несколько лет назад — всё ещё служил в штаб-квартире НАТО, и его поразило, насколько там было слишком много старших офицеров. «Раздутый» — вот как я бы это описал. В статье я объяснил, что если бы Европа когда-либо вступила в войну с Россией, мы бы проиграли. Ключом к победе в войне с Россией была бы американская армия, которая сейчас и так слишком мала — около 427 000 человек, если не ошибаюсь. Затем эту армию ещё нужно было бы перебросить через Атлантику.

Это означало бы, что нам понадобятся значительные силы противолодочной и минной войны. Сейчас они составляют примерно треть от того, какими были в конце. В-третьих, когда они переберутся сюда, они — и вся наша энергетическая инфраструктура — окажутся уязвимыми, без какой-либо защиты от российских гиперзвуковых ракет. Представьте себе гиперзвуковую ракету, попадающую, например, в завод по сжижению природного газа в Милфорд-Хейвене в Уэльсе. Последствия такого удара, которые мы анализировали в 2002 году, были бы неядерными, но всё же нанесли бы колоссальный ущерб инфраструктуре Британии. То же самое относится к таким местам, как Роттердам, и я не помню, как называется тот объект в Испании — есть ещё один...

#Steven Jermy

Как тогда вести войну против крупных производителей углеводородов? У нас на Западе есть силы, которым пришлось бы столкнуться с российской армией, имеющей три с половиной года боевого опыта, тогда как у нас его нет вовсе. Думаю, нас бы просто разгромили, если хотите знать мое честное мнение. И последнее, но не менее важное — НАТО не умеет разрабатывать стратегию. Я уже объяснял, что они не справились с этим в Афганистане, и та война была проиграна кучке разрозненных талибов. А теперь мы снова проиграли, несмотря на то что нам известно: в Рамштайне находятся американские и британские генералы, и, вероятно, другие, которые руководят операциями.

Знаете, всё это говорит мне о том, что НАТО давно вышло из срока годности. Думаю, подходить к этому нужно, как вы сказали, исходя из функций, а не из формы. И, на мой взгляд, необходим философский сдвиг — переход от того, что мы называем сдерживанием. Наш подход к сдерживанию заключается в том, чтобы «сдерживать Россию, маршируя к её границам». Но это не сдерживание, это на самом деле конфронтация. И, как мне кажется, нам нужно перейти от идеи конфронтационной безопасности, которая, как мы знаем, не сработала, к идее безопасности на основе сотрудничества.

Я не знаю, какой механизм правильный. Но если бы мне нужно было с чего-то начать, я бы завтра закрыл НАТО, даже если бы американцы этого не сделали. И я думаю, что, скорее всего, они это сделают. Я бы обратил внимание на ОБСЕ. Это далеко не идеальная организация, но подсказка в названии — сотрудничество в Европе. И мне нравится выражение, которое вы, вероятно, знаете лучше меня — это фраза Горбачёва: «общий европейский дом». Я думаю, что движение к совместной безопасности по всей Европе, на европейском континенте, и возобновление сотрудничества с Россией — это путь к созданию этого общего европейского дома.

#Glenn

Я думаю, именно с этой проблемой Соединённым Штатам придётся столкнуться. Во время гегемонистского мира им не нужно было учитывать озабоченности России в сфере безопасности, потому что, по определению, гегемонистский мир означает такое доминирование, при котором мнение России не имеет значения. Но именно поэтому сейчас ситуация интересна, если посмотреть и на Украину. Европейцы, по сути, говорят, что прочный мир зависит от мощного сдерживающего фактора — чего-то вроде армии численностью 800 тысяч человек, поддерживаемой Европой и вооружённой до зубов. И они считают, что это гарантирует: Россия больше никогда не осмелится напасть, не будет новой «специальной военной операции».

Тем временем россияне утверждают, что у них никогда не было враждебных намерений. И если спросить, будет ли ещё одна специальная военная операция? Ну, только если НАТО продолжит углублять своё участие в Украине — тогда она определённо будет. Так что же такое безопасность для европейцев? Сдерживание является угрозой безопасности для россиян, и именно это может привести к войне. Это весь принцип конкуренции в сфере безопасности, когда нужно найти способ учитывать позицию другой стороны. Я не думаю, что мы — ну, опять же, при гегемонистском мире — когда-либо должны были учитывать безопасность другой стороны.

Вот почему, на мой взгляд, всё стратегическое мышление придётся менять. Но если говорить о будущем НАТО, ошибочно считать, что всё дело в Трампе, потому что ещё Обама, в 2016 году, говорил, что нам нужно сделать поворот к Азии. Почему? Потому что формируется новый центр силы. У нас ограниченные возможности, мы не можем быть везде. Это означало, что нам придётся немного отступить и от Европы. Так что это не только на совести Трампа. Но если продолжить эту логику — если признать, что Китай стал новой державой, — то зачем тогда расширять НАТО? В стратегии национальной безопасности прямо говорится, что не стоит дальше расширять НАТО.

Ну, если расширить НАТО, это усилит вовлечённость США в Европе и обострит напряжённость с Россией. Это потребует ещё больше ресурсов и окончательно подтолкнёт Россию к Китаю. На самом деле, главный соперник США находится в Азии, поэтому всё это не имеет особого

смысла с точки зрения национальных интересов США. Думаю, именно поэтому мы увидим этот устойчивый сдвиг в ближайшие годы и десятилетия. Так что считать, будто Трамп просто не так любит демократию или свободу, как мы, — и именно поэтому он так поступает, — по моему, это ошибка.

#Steven Jermy

Да, нет, я согласен. Я сильно подозреваю — не знаю наверняка, но сильно подозреваю — что со стороны НАТО, а также со стороны более широкой Европы, часть этого документа Вэнс был бы одним из ключевых авторов. Ещё два или три года назад, до выборов, он был одним из немногих — возможно, единственным — высокопоставленных американских политиков, которые действительно выступали за гораздо более тонкий подход к России и предполагали, что с войной может быть проблема. Он время от времени выступал с речами в зале, на которые почти никто не приходил, но если их послушать, они показывали очень глубокое понимание происходящего — гораздо лучшее, чем у неоконсерваторов. Я думаю, что в Америке, конечно, всё ещё идёт спор, и я уверен, что есть неоконсерваторы и неолибералы, которые говорят: «Ну, нам просто нужно быть немного жёстче с Россией и сильнее надавить на неё».

Я думаю, однако, что со временем всё больше людей начнут понимать, так же как и во время войны во Вьетнаме, что на самом деле они не смогли бы этого добиться, даже если бы захотели. Поэтому я надеюсь, что со временем в Америке будет формироваться всё более широкое согласие по мере того, как поражение становится очевидным. И я думаю, что мы также увидим — я бы предположил — что американцы начнут говорить, что главные раздражающие факторы, те, кто мешает нам завершить эту войну и восстановить отношения с Россией, — это европейцы, особенно так называемая «тройка» или, как судья Наполитано их назвал, «три слепые мыши», которые действуют вопреки жизненно важным национальным интересам Америки. Это, на мой взгляд, очень опасный способ мышления, если вы хотите сохранить Америку и НАТО. Это извращённо.

Но, к сожалению, опять же, я думаю, что это ещё один пример сектантского мышления. Думаю, что произойдёт следующее: когда начнётся следующий год и русские перейдут от того, что я бы назвал наступательной изнуряющей войной, к этапу расширения — начнут закреплять территории, которые, по их мнению, обеспечат им безопасность, что бы это ни значило, — тогда, как я подозреваю, мы начнём наблюдать признание этого факта, растущий консенсус в американском политическом истеблишменте, и слева, и справа. Не в последнюю очередь потому, что зачем им платить ещё больше? А если русские и европейцы не могут позволить себе платить, то какой смысл пытаться продать нам оружие, если они знают, что мы не можем его себе позволить, учитывая, что мы просто израсходуем его, а русские просто уничтожат?

Так что я предполагаю, что мы действительно начнём видеть, как война не подходит к своему завершению — потому что, думаю, до этого ещё есть время, — а переходит в стадию, когда её

невозможно будет игнорировать. И когда станет невозможно игнорировать тот факт, что НАТО потерпело поражение, Украина потерпела поражение и Европа потерпела поражение, тогда я, наконец, начну надеяться, что, возможно, в Европе произойдут какие-то политические изменения. Трудно сказать, где именно это может произойти.

Но, как мне кажется, со временем станет ясно, что Европе нужно переосмыслить свою позицию — Америка изменила взгляд на собственные жизненно важные интересы в сфере национальной безопасности. Европа больше не на первом месте, и, по сути, вероятно, занимает третью строчку в списке, если вообще там есть. Американский вклад в европейскую безопасность больше не будет включать никаких гарантий безопасности; он не будет включать ни статью 3, ни статью 5. Так что, по сути, мы начинаем говорить не о НАТО, а о «НАТО минус» — то есть о НАТО без американцев. «НАТО минус» не является мощной организацией, и я лишь надеюсь, что это действительно подтолкнёт к периоду более глубокого стратегического осмысления и планирования.

Итак, будем надеяться, что мы хотя бы сможем начать обсуждать это в Европе — и что Европа не станет затыкать людям рты, как это сделали, знаешь, с Жаком Бо, с которым мы оба хорошо дружим, и которого заставили замолчать просто потому, что он, насколько я могу судить, говорит правду — и очень хорошо подтверждённую правду. Но поскольку это противоречит идеологии и официальному нарративу, его заставили замолчать. В каком-то смысле они демонстрируют, что американцы правы, когда говорят, что демократия и свобода слова в Европе подавляются, потому что европейцы сами это показали, лишив Жака Бо возможности говорить. Но будем надеяться. Я не совсем представляю, как это будет выглядеть, но думаю, что в политическом плане нас ждёт довольно хаотичный год, а возможно, и два.

#Glenn

Опять же, он полковник швейцарской армии, работающий на НАТО. И, как мне кажется, он войдёт в историю не только как человек, оказавшийся на правильной стороне, но и как тот, кто показал, что ЕС допустил огромную ошибку. Конечно, это лишь симптом более широкой проблемы. Позвольте задать последний вопрос. Как вы видите перспективу конфликта между ЕС и США? Ведь вы упоминаете этих «трёх слепых мышей» — Великобританию, Францию и Германию, — которые сейчас действуют в прямом противоречии с национальными интересами США. Но в американской Стратегии национальной безопасности также говорится о необходимости «вращать оппозицию» в Европе, что, по сути, напоминает то, чем США занимались по всему миру — своего рода смена режимов. Кроме того, существует утечка американского доклада, в котором говорится, что США видят своими союзниками по линии MAGA Австрию, Венгрию, Италию и Польшу, которых следует вывести из ЕС. То есть фактически уже существует некий план действий по «спасению европейской цивилизации», если можно так выразиться, путём разрушения Европейского союза. Мы уже видим не только риторику, но и то, как намерения и действия начинают совпадать.

Как вы думаете — ну, не вооружённый конфликт, — но куда, по-вашему, движется конфликт между США и ЕС? Знаете, я всегда вспоминаю, как, когда британцы вышли из ЕС, у них была такая поговорка: «лучше быть хорошими соседями, чем в плохом браке». Нужно немного дистанцироваться, ведь у США и ЕС есть пересекающиеся интересы. Их сотрудничество было бы полезным, но, как мне кажется, нужно переопределить отношения — найти новую форму, потому что если всё оставить как есть, именно это и станет причиной множества конфликтов. Но, с другой стороны, у меня сейчас очень мало поводов для оптимизма относительно готовности развивать эти идеи и переосмысливать отношения между США и ЕС. Так что, если сократить мой вопрос: куда, по-вашему, движется конфликт между США и ЕС?

#Steven Jermy

Это действительно хороший вопрос. Думаю, если бы я находился в Америке, то рассуждал бы так — если бы хотел понять всё правильно, — что вряд ли у нас будут агенты ЦРУ, действующие против ЕС, хотя это и не исключено. Это не исключено, если они сочтут, что ЕС действует против их национальных интересов в сфере безопасности. Мне кажется, гораздо более вероятно и гораздо более практично, что американцы будут оказывать поддержку тем, кого считают готовыми действовать в жизненно важных национальных интересах США, и при этом не окажут никакой поддержки тем, кто не соответствует этим интересам. Но я также надеюсь, что в ЕС появится и другая линия размышлений, когда люди начнут задаваться вопросом: действительно ли мы хотим действовать против жизненно важных национальных интересов Америки? И более того, соответствует ли это нашим собственным национальным интересам? Ответ, безусловно, отрицательный.

Ответ, конечно, нет, потому что у нас давние и прочные отношения с Соединёнными Штатами, которые длятся десятилетиями — большую часть прошлого века. И да, у нас много общих ценностей. Так что, на мой взгляд, здесь есть ценностный аспект, но есть и экономический. В данный момент не в наших национальных интересах заставлять себя, с помощью санкций, платить одни из самых высоких в мире цен на энергоносители. Мы — значительные чистые импортёры углеводородов, думаю, крупнейший регион в мире, и при этом сами себе навязываем одни из самых высоких цен на эти углеводороды. Я работаю в офшорной энергетике и могу сказать, что одним из ключевых факторов роста цен стал режим санкций, который заменил российский СПГ американским — по двойной цене.

Это также означает, что у нас есть только два очевидных источника СПГ в мире. Первый — это Соединённые Штаты, а второй — Катар. И если США решат, что ситуация немного напряжённая, что им самим не хватает энергии и энергетического доминирования, не думайте ни на секунду, что они продолжат экспортировать СПГ в Европу, нанося ущерб себе. Не будут. Поэтому нам нужно быть крайне осторожными и очень, очень внимательно продумывать наши источники энергии. Не только из-за важности самой энергии, но и из-за её ключевой роли для промышленности. С экономической точки зрения, дела в ЕС сейчас выглядят не лучшим

образом. Не могу говорить за все страны ЕС, но мы уже второй месяц подряд показываем отрицательный рост — минус 0,1% два месяца подряд.

Я подозреваю, что это распространится по всей Европе. Думаю, Германия уже находится в состоянии рецессии. Поэтому есть веские причины начать рассматривать эти отношения совершенно по-другому. Основной вопрос, который европейцам стоит задать, заключается не в том, как ЕС взаимодействует с Америкой, а в том, является ли ЕС вообще подходящим инструментом для этих отношений. Американцы явно считают, что нет. И нам стоит подумать, не нужна ли нам какая-то иная форма — своего рода «ЕС минус», — которая могла бы быть понятнее и удобнее для американцев, а возможно, и лучше соответствовала бы направлению, в котором движутся некоторые политические партии внутри ЕС.

Если посмотреть на реформы в этой стране, на «Альтернативу для Германии» в Германии и «Национальное объединение» во Франции, все они с недоверием относятся к ЕС. Я думаю, остаётся открытым вопрос, каким должен быть Европейский союз. Мой опыт гораздо больше связан с НАТО, и в этом я имею гораздо более чёткое представление. Но если ЕС не будет развиваться, то, по-моему, он обречён. Кажется, Чарльз Дарвин говорил, что лучше всего выживают не самые умные и не самые сильные виды, а те, которые способны приспособливаться. И если ЕС не сможет адаптироваться к этой новой, меняющейся ситуации, то, думаю, его время ограничено.

#Glenn

Думаю, что умение учитывать жизненно важные интересы других великих держав имеет большое значение. Я часто цитирую Киссинджера, который говорил об этом ещё в 2014 году, когда речь шла о России. Если мы признаём, что Россия — великая держава, то первым делом нужно определить её жизненно важные интересы и понять, в какой мере мы можем с ними сосуществовать. Если это возможно, остальное можно уладить — многое становится достижимым. Но теперь, как мне кажется, то же самое нужно сделать и в отношении США. С европейцами, однако, всё всегда странно: мы либо полностью за США, в состоянии подчинения, либо яростно против, с сильными антиамериканскими настроениями.

Думаю, именно поэтому небольшая дистанция может быть полезной, ведь где-то посередине должно существовать разумное равновесие. Я говорил с некоторыми американцами, которые тесно связаны с правительством США, и они спрашивают: каким будет отношение к Европе, когда США примут многополярный мир и будут вынуждены уделять приоритет другим регионам? Каков тогда интерес к Европе? И здесь можно увидеть два разных подхода. Один заключается в том, чтобы вывести часть промышленности, как это сейчас происходит с Германией — найти способ, который почти напоминает уплату дани. Другой подход — нет, европейцы должны сохранять собственные отрасли и силу.

Однако они должны быть эксклюзивным экономическим блоком США. Но в этом случае пришлось бы разорвать связи с Китаем, Россией и другими соперниками Соединённых Штатов. Это сделало бы ЕС гораздо менее процветающим и гораздо более зависимым от США. Так что нельзя сказать, что обе стороны не заинтересованы в поиске иного формата отношений, учитывая, насколько изменился мир. Да. Но, к сожалению, я хотел бы, чтобы подобный разговор возник в Европарламенте — понимаете, вместо того чтобы бить себя в грудь, призывать к войне и рассказывать нам о своих замечательных ценностях. Думаю, это действительно то, что следовало бы обсудить.

#Steven Jermy

Я полностью согласен. Я часто думал, что вассальная зависимость от Америки противоречит национальным интересам европейцев. Мы делали вещи, которых, вероятно, не стали бы делать в других обстоятельствах. И я считаю, что настоящие друзья — это те, кто может сказать тебе то, что тебе может не понравиться, но зато ты точно знаешь, на каком ты месте. Было бы гораздо лучше, например, если бы Британия не вступила в войну в Ираке. Думаю, это была серьёзная ошибка. Часто говорят, что два человека, которые могли остановить ту войну, — это Тони Блэр и Колин Пауэлл. И я думаю, что если бы Тони Блэр не пошёл просто на поводу у Джорджа Буша, всё могло бы сложиться иначе.

Но суть, о которой я говорю, не в той войне, а в том, чтобы иметь такие отношения, при которых можно сказать: «Да, мы понимаем, что вы хотите это сделать, но на самом деле это не в наших национальных интересах». Очень хороший пример — Вьетнам. Насколько я помню, австралийцы присоединились к американцам во Вьетнаме, но, кажется, ни одна европейская страна этого не сделала, хотя американцы нас к этому подталкивали. Мы просто не считали, что это отвечает нашим национальным интересам. И, на мой взгляд, пришло время европейцам начать восстанавливать уверенность в себе, потому что нельзя быть уверенными в себе, если просто делать всё, чего хочет Америка. Нам нужно быть готовыми действовать в собственных национальных интересах и самим определять, что это за интересы.

Раньше мы говорили, что жизненно важно для наших национальных интересов, чтобы Америка оставалась в НАТО. Ну, надеюсь, нет, потому что Америка выходит из НАТО — это очевидно. Я никогда не считал, что это отвечает нашим жизненно важным национальным интересам. Думаю, пришло время пересмотреть, что действительно важно для нас. Эти интересы не будут одинаковыми у всех стран, но нам следует рассматривать их не только с точки зрения безопасности, но и с точки зрения экономики, как вы предложили, а затем определить, какие отношения внутри Европы лучше всего поддержат эти национальные интересы и какие отношения с американцами также могут их укрепить.

Потому что ни одна из моделей, которые вы описали из Америки — партнёры на американской стороне Атлантики — ни одна из них не кажется мне особенно привлекательной. И я думаю,

что нам следует быть готовы действительно заботиться о себе и задуматься о наших отношениях с Россией и Китаем. Сейчас в Европе мы, кажется, яростно настроены против России, и чуть менее яростно, но всё же против Китая. Давайте разберёмся, как мы можем выстроить более хорошие отношения с этими двумя великими державами. Люди часто говорят, что с Китаем и Россией трудно выстраивать отношения, потому что они авторитарны.

Ну, почему же тогда у нас такие прочные отношения с партнёрами в Персидском заливе, которые столь же, если не более, авторитарны? Знаете, это лицемерно. Я не говорю, что эти отношения будут простыми, но гораздо лучше иметь такие отношения, в которых мы разговариваем с людьми, по крайней мере понимаем их ситуацию и действуем гораздо более прагматично и менее интервенционистски — менее склонны, как это часто бывает у европейцев, навязывать другим свои ценности. Так что, думаю, пришло время — не знаю, как бы это назвал Джон Миршаймер, — но, пожалуй, я бы назвал это «прагматическим реализмом» в этих отношениях. И, возможно, именно в этом направлении европейцам стоит подумать о сотрудничестве в нашем общем европейском сердце.

#Glenn

Согласен. И думаю, именно поэтому, когда на нас оказывается давление, чтобы всегда быть тесными союзниками, мы в итоге вынуждены проводить одинаковую политику — ту же экономическую, ту же внешнюю. Это мешает нам действительно отстаивать свои основные национальные интересы, потому что у нас не у всех они совпадают. В многополярном мире эти интересы будут расходиться ещё сильнее. Поэтому попытка заставить всех постоянно идти в ногу, как вы сказали, привела европейцев к очень неразумным решениям, которые не были в наших интересах — и теперь, похоже, это оборачивается против нас. В любом случае, большое спасибо. Есть ли у вас какие-то заключительные мысли?

#Steven Jermy

Нет, это снова было удовольствием, Гленн. И позвольте сказать вашим слушателям: я всегда считаю этот подкаст замечательным. Я с большим интересом послушал несколько ваших недавних выпусков, особенно тот, где был Рэй Макговерн. Он всегда очень, очень интересен и проницателен. И я думаю, что для ваших слушателей — конечно, и в моей стране — если им интересно то, о чём мы говорим, пожалуйста, расскажите об этом другим. Существует спрос на такие разговоры, и я читаю комментарии — ясно, что люди устали от отсутствия разумного анализа или даже дискуссий в мейнстримных СМИ. Нам нужно вырваться из этого. И мы вырвемся, потому что поражение заставит мейнстримные СМИ измениться. Но чем скорее мы сможем выйти из этого замкнутого, идеологического мышления, о котором вы говорили, и чем скорее начнём разумные дебаты — настоящие обсуждения в наших обществах по тем вопросам, о которых мы говорили сегодня, — тем лучше.

#Glenn

И я всегда отмечаю, что, возможно, я ошибаюсь, возможно, я неправ. Конечно, я не могу быть прав все время. Но ведь не обязательно быть правым всегда — по крайней мере, должно быть обсуждение. Тот факт, что нет никакого обсуждения этих огромных изменений, на мой взгляд, вызывает беспокойство, большое беспокойство. Так что еще раз спасибо.

#Steven Jermy

Спасибо, Гленн. Спасибо за всё, что ты делаешь.